

В.В. Пужаев

Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:*

Аннотация. В статье исследуется история развития в Японии сферы профессионального юридического образования на начальном этапе мэйдзийской модернизации (1868—1885). После падения режима Токугава Япония, прервавшая автаркическое существование, вступила на путь догоняющего развития, стремясь упрочить свое международное положение и обеспечить себе равный статус в отношениях с ведущими мировыми державами. Желая добиться пересмотра неравноправных Ансэйских договоров, правительство Мэйдзи поставило перед собой две ключевые цели, одна из которых была связана с принятием в Японии новых законов, отвечающих современным требованиям, а другая предполагала реформирование сложившихся при сёгунате системы юрисдикционных органов и принципов отправления правосудия. Для того чтобы обеспечить надлежащим образом процесс правоприменения, потребовались обученные на западный манер профессиональные юридические кадры, которых в тогдашней Японии попросту не было. В первые несколько лет после революции Мэйдзи японское правительство попыталось решить проблему отсутствия в стране юристов путем направления за границу наиболее способных молодых японцев для обучения в европейских университетах. Однако такая практика оказалась малоэффективной в соотношении с общими потребностями Японии в юристах. Тогда правительство Мэйдзи решило учредить в Токио первую специализированную школу права и пригласить из Европы преподавателей для обучения основам западной юриспруденции первых поколений японских студентов. В качестве образца для преподавания было выбрано французское право. Изначально юридическая школа функционировала в рамках Института правовых исследований (*Мэйхо:рё:*), созданном при Министерстве юстиции Японии. Однако в мае 1875 г. была проведена административная реформа, в ходе которой школа *Мэйхо:рё:* была закрыта, а ее преемницей стала новая юридическая школа под названием «Правовая школа Министерства юстиции» (*Сихо:сё: хо:гакко:*). С деятельностью этих учебных заведений неразрывно связан начальный этап становления юридического образования в посттокугавской Японии. В представленной статье автором впервые в российской науке проводится исследование организационных моментов становления школы *Мэйхо:рё:* и юридической школы Министерства юстиции Японской империи, изучается вопрос о кадровом обеспечении образовательного процесса в обеих школах, приводятся сведения о нанятых японским правительством иностранных преподавателях, рассматривается вопрос о социальном происхождении первых учеников, приводятся количественные данные по контингенту обучающихся и отмечаются основные векторы развития профессиональной карьеры выпускников.

Ключевые слова: юридическое образование, вестернизация, Буассонад, Мэйдзи, Мэйхорё, правовая школа Министерства юстиции, история Японии.

Автор: Пужаев Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (адрес: 603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4).
ORCID: 0000-0001-6818-8116. E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пужаев В.В. Становление юридического образования в Японии в первой половине эпохи Мэйдзи: очерк истории *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:* // Японские исследования. 2025. № 4. С. 90—111.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00034 «Правовые воззрения Гюстава Буассонада де Фонтараби и рецепция французского права в Японии».

V.V. Puzhaev

**The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era:
An outline of the history of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō***

Abstract. The article examines the history of the development of professional legal education in Japan at the initial stage of the Meiji modernization (1868—1885). After the fall of the Tokugawa regime, Japan embarked on the path of Westernization, trying to strengthen its international position and ensure equal status in relations with the leading Western states. Wishing to revise the unequal Ansei Treaties, the Meiji government set two goals: the first goal was to adopt modern laws in Japan that corresponded to Western models; the second goal was to reform the principles of administration of justice and the system of jurisdictional state bodies that had been established during the time of the shogunate. At the same time, the application of the “new” laws required professional legal personnel, which Japan did not have at that time. In the first years after the Meiji Revolution, the Japanese government attempted to solve the problem of the lack of lawyers in the country by sending the most talented young Japanese abroad to receive legal education at European universities. However, this practice was very slow in solving the problem of the country's shortage of lawyers. Then the Meiji government decided to establish the first specialized law school in Tokyo and invite teachers from Europe to teach the basics of Western jurisprudence to the first generations of Japanese students. French law was chosen as a model for teaching. Initially, the law school operated within the framework of the Institute of Legal Studies (*Meihōryō*), established at the Ministry of Justice of Japan. However, in May 1875, an administrative reform was carried out, during which the *Meihōryō* school was closed, and a new law school called the “Law School of the Ministry of Justice” (*Shihōshō Hōgakkō*) became its “successor.” The initial stage of the development of legal education in Meiji Japan is inextricably linked with the activities of these educational institutions. In this article, the author examines the history of the establishment and development of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō*, examines the issue of staffing the educational process and the social background of the first students, provides data on the number of students, and notes the main vectors of development of the professional careers of graduates.

Keywords: legal education, Westernization, Boissonade, Meiji, *Meihōryō*, Law School of the Ministry of Justice, history of Japan.

Author: *Puzhaev Vladimir V.*, Senior Lecturer at Department of Labor and Environmental Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (address: 4, Ashkhabadskaya Str., Nizhny Novgorod, 603105, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-6818-8116. E-mail: puzhaev_vl@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Puzhaev, V.V. (2025). Stanovlenie yuridicheskogo obrazovaniya v Yaponii v pervoi polovine epokhi Meidzi: ocherk istorii *Meikho:re: i Sikho:se: kho:gakko:* [The development of legal education in Japan in the first half of the Meiji era: An outline of the history of *Meihōryō* and *Shihōshō Hōgakkō*]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 4, 90—111. (In Russian).
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-4-90-111.

Acknowledgments. This study was funded by RFBR, project number 20-011-00034 “Legal views of Gustave Boissonade de Fontarabie and the reception of French law in Japan”.

Введение

Эпоха Мэйдзи во многих отношениях оказалась переломным периодом японской истории. Крушение сёгуната Токугава и возвращение страны под прямое правление императора обозначили вступление Японии в следующую фазу цивилизационного развития. Новым правительством был взят курс на проведение капиталистических преобразований, призванных обеспечить форсированное развитие промышленности, на освоение достижений западной науки и культуры, на изменение устоявшегося уклада жизни японцев и отказ от пережитков феодального прошлого. Модернизация Японской империи через вестернизацию различных сфер общественной жизни рассматривалась политическими лидерами Мэйдзи в качестве ответа на вызовы, с которыми Японии довелось столкнуться вследствие изменения международной обстановки в 1850-е гг. Прервав более чем двухсотлетнее автаркическое существование, Япония стала участником незнакомой ей системы международных отношений, правила которой были придуманы иностранцами. Нужно было овладеть этими правилами — в противном случае Японию могла ожидать участь ряда азиатских стран, которые не смогли справиться с постигшей их колониальной экспансией и стали частью колониальных владений западных держав [Мещеряков 2018, с. 356].

Правительственный курс на масштабную модернизацию Японии и необходимость быстрого технологического и культурного прогресса требовал выработки и применения эффективных способов «импортирования» передовых знаний с Запада. В вопросах права речь шла о необходимости скорейшего принятия в Японии современного законодательства и функционирующих на его базе учреждений юстиции для того, чтобы активизировать переговорный процесс со странами Запада по поводу пересмотра неравноправных Ансэйских соглашений, заключенных еще в период *бакумацу*. Это обстоятельство обнажило острую потребность в юридических кадрах, компетентных в вопросах западного права, заимствование которого стало краеугольным камнем правовых реформ правительства Мэйдзи. Проблему подготовки юридических кадров новому руководству Японской империи предстояло решать фактически «с

нуля», поскольку в домэйдзийский период в Японии не существовало учреждений профессионального юридического образования, а в социальной структуре японского общества отсутствовала обособленная страта юристов.

В первое время после Реставрации правительство Мэйдзи продолжило опробованную еще *бакуфу* и некоторыми княжествами в период *бакумацу* практику по направлению за границу наиболее способных японских студентов в целях их обучения в европейских университетах. Ожидалось, что эти молодые люди по возвращении в Японию выступят в роли учителей для остальных японцев, приоткрывая для них таинственную завесу европейской науки, просвещая их, в числе прочего, в вопросах западного права. Однако в общей сложности в 1868—1870 гг. государство направило для обучения за рубеж по разным отраслям знаний менее двухсот студентов. Стало очевидно, что практика снаряжения японских студентов на стажировку в западные университеты не способна удовлетворить растущие запросы империи Мэйдзи, и уж тем более сделать это быстро. Японским студентам, которых государство отправляло за границу, требовалось сперва потратить несколько лет на изучение языка страны пребывания, решить множественные бытовые вопросы, и только после этого они могли полноценно приступить к усвоению основ западного права [Мечников 1876, с. 168—169]. Это влекло значительные дополнительные расходы, обременявшие государственную казну, и, что особенно важно, отдаляло по времени перспективу возможного пересмотра Ансэйских договоров.

Эти соображения побудили японское правительство открыть специализированную юридическую школу непосредственно на территории Японии и пригласить из Европы преподавателей для того, чтобы те «на месте» обучали японских студентов и действующих судей принципам современного западного законодательства. Предложенное решение подкреплялось предварительными финансовыми расчетами государственных чиновников, из которых следовало, что государству придется нести немалые расходы на высокие зарплаты иностранным преподавателям, давшим свое согласие жить и работать в Японии, однако общие расходы государственного бюджета окажутся намного меньше тех «разорительных» сумм, которые ежегодно выделялись (и планировались к выделению) на длительное командирование студентов за границу для обучения в западных университетах [Appert 1896, p. 530; Ikeda 1996, p. 81]. В условиях скудных финансовых возможностей Японии в те годы, предложение быстро получило поддержку в правительстве.

Предварительные замечания: к вопросу о соотношении *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё:* *хо:гакко:*

Официальное решение японских властей о создании первой в империи Мэйдзи государственной юридической школы было принято уже 27 сентября 1871 г., когда при Министерстве юстиции был учрежден Институт правовых исследований (明法寮, *Мэйхо:рё:*), в рамках которого планировалось функционирование школы права. Вместе с тем эта дата была лишь отправной точкой. Прежде чем открыть для учеников школьные классы, требовалось заняться решением множества организационных вопросов, включая вопрос о проведении первой приемной кампании.

Официальное название института, а равно правовой школы, «*Мэйхо:рё:*» можно условно разделить на два составных фрагмента: «*мэйхо:-*» (что следует перевести не иначе как «толкование и разъяснение законов») и «*-рё:*» (в буквальном переводе означающее «общежитие»). Таким образом, название школы, которая предполагалась в виде школы-интерната, являлось обозначением того места, где молодые японские интеллектуалы должны были обучаться искусству толкования правовых норм и профессиональной работе с текстами законов. Изначально *Мэйхо:рё:* задумывался правительством как центр по подготовке судебных и прокурорских кадров, однако в августе 1872 г. компетенция учреждения была пересмотрена, и к задачам школы были отнесены разработка и обсуждение проектов нормативных правовых актов, изучение иностранного законодательства, перевод и обработка предложений, поступавших от иностранных преподавателей, и некоторые другие [Hayashi 2016, p. 212]. Образовательная функция при этом была сохранена.

После череды организационных преобразований, произошедших в мае 1875 г., старое название школы было вытеснено новым официальным наименованием — *Сихо:сё: хо:гакко:* (司法省法学校, юридическая школа Министерства юстиции), из которого прямо следовала ведомственная принадлежность и подконтрольность учебного заведения Министерству юстиции. Тогда же вступили в действие новые правила, регламентировавшие деятельность школы.

Заметим, что по поводу организационного статуса юридической школы Министерства юстиции в историко-правовой литературе встречаются разнящиеся сведения.

В одних источниках *Мэйхо:рё:* и *Сихо:сё: хо:гакко:* представлены как названия одной и той же юридической школы. При этом уточняется, что до мая 1875 г. эти названия использовались как взаимозаменяемые в официальных документах, а после мая 1875 г. в употреблении осталось только второе название [Ikeda 1996, p. 86].

В других источниках указывается, что в 1872 г. при Министерстве юстиции была создана правовая школа *Мэйхо:рё:*, где французское право преподавали Г. Буассонад де Фонтараби и Ж. Буске. Но 4 мая 1875 г. школа была закрыта. Пять дней спустя ее дела были временно переданы в Верховный суд Японии. После произошедшей в августе 1875 г. реорганизации Министерства юстиции сфера юридического образования была отнесена к ведению специально созданного отдела министерства. В марте 1876 г. при министерстве была открыта новая правовая школа [курсив наш — В.П.] под названием «*Специальная школа французского права*» или «*Правовая школа Министерства юстиции*», где французское право на французском языке преподавал Ж. Аппер [Goraï 1904, p. 784; Röhl 2005, p. 772].

Из третьих же источников следует, что школа *Сихо:сё: хо:гакко:* фактически являлась правопреемницей упраздненной в мае 1875 г. школы *Мэйхо:рё:* [Rokumoto 2002, p. 170; Jaluzot 2021].

Ознакомление с зарубежной словарной литературой добавляет еще две близкие, но не тождественные позиции. В одном из изданий сообщается, что учебный институт *Мэйхо:рё:* был преобразован в правовую школу (*хо:гакко:*) Министерства юстиции [Beillevaire 2008, p. 143]; в другом — что школа права (*хо:гакко:*) функционировала в структуре Института права (*Мэйхо:рё:*), подведомственном Министерству юстиции, и просуществовала она с 1872 по 1884 г. [Dictionnaire... 1970, p. 41].

В дореволюционных публикациях на русском языке школа *Мэйхо:рё:* обычно упоминается как «училище правоведения», «школа правоведения» либо как «курсы законоведения». К примеру, в очерке под названием «Нравы и законодательство Японии», опубликованном в иллюстрированном журнале «Всемирный путешественник», об открытии школы сообщалось следующее: «Учреждена была французская приготовительная школа, а вслед за тем тотчас же были открыты курсы законоведения. Преподавателем призван М. Боассонадъ, доктор прав, заслуженный профессор парижского факультета» [Нравы... 1876, с. 39].

Во французской прессе тех времен школа *Мэйхо:рё:* нередко фигурировала под именем школы права в Эдо [Rozy 1876, p. 3]. И это было вполне объяснимо, поскольку именно так она именовалась в опубликованном тексте вводной лекции Буассонада по курсу естественного права, которую парижский профессор прочитал слушателям министерской школы 9 апреля 1874 г. [Boissonade 1874]. Обозначение выглядит запоздалым, поскольку 17 июля 1868 г. Эдо официально переименовали в Токио.

Представляется, что вышеперечисленные расхождения в научной литературе могут быть приняты за малосущественные, касающиеся исключительно формальной стороны вопроса. Учитывая преемственность подходов к организации преподавания основ французского права в рамках обеих школ, отчасти общности материальной базы и контингента обучающихся, можно говорить о том, что они были заняты общим делом юридического просвещения, что позволяет взглянуть на *Сихо:сё: хо:гакко:* как на «продолжение» школы *Мэйхо:рё:*. Это допущение, на наш взгляд, является причиной того, что многие японские и французские правоведы, когда речь заходит об истории министерской школы права, не утруждают себя рассуждениями об организационных различиях. К примеру, профессор О:кубо Ясуо указал в одной из своих работ, что два французских юриста Буассонад и Буске были наняты, чтобы преподавать «европейское право в Школе французского права Министерства юстиции [курсив наш — В.П.], которая была открыта в 1872 г.» [Ōkubo 1976, p. 84]. Подобную картину можно наблюдать в более ранней публикации гренобльского профессора Жака Робера [Robert 1969, p. 34]. Кроме того, на официальном сайте юридического факультета Токийского университета сегодня можно прочитать¹, что история этого структурного подразделения восходит своими корнями ко времени создания при Министерстве юстиции первой юридической школы (июль 1872 г.). Таким образом, если придерживаться позиции об обособленном статусе двух учреждений, то нельзя при этом отрицать, что правовая школа Министерства юстиции (*Сихо:сё: хо:гакко:*) фактически продолжила образовательные начинания, которые были заложены в рамках института *Мэйхо:рё:*.

Подготовка к открытию школы *Мэйхо:рё:*

Инициатива создания первой в стране правовой школы исходила от чиновников Министерства юстиции, которые сформировали и направили соответствующий запрос в Государственный совет (太政官, *Дадзё:кан*), обосновав свое решение насущными потребностями органов юстиции в специалистах «нового формата». Основная

¹ См.: URL: <https://www.u-tokyo.ac.jp/en/academics/facultyoflaw.html> (дата обращения: 03.07.2025).

задача планируемой к открытию школы заключалась в подготовке профессиональных юридических кадров, компетентных в вопросах западного права, для работы в судебных органах. Предполагалось, что после успешного завершения юридической подготовки, выдержавшие все экзаменационные (ученические) испытания выпускники будут рекомендованы к занятию должностей судей (*сайбанкан*) или прокуроров (*кэндзи*), и будут направлены в различные суды по всей стране [Frank 1889, p. 14; Hayashi 2016, p. 210—211]. В реальности, первые выпускники школы направлялись на службу напрямую в Верховный суд Японии (*大審院, Дайсин-ин*)¹, учрежденный в апреле 1875 г., и немногочисленные апелляционные суды (*ко:со сайбансё*), в то время как в низовых звеньях судебной системы должности магистратов поначалу (из-за нехватки кадров) могли занимать лица, не имевшие специального юридического образования.

Одобрительное решение Государственного совета по вопросу об открытии первой в стране юридической школы не заставило себя долго ждать. Заручившись поддержкой Госсвета, Министерству юстиции потребовалось менее года², чтобы организовать непосредственную работу школы, разработать и утвердить необходимые внутренние инструкции для работников и учеников, и приступить к формированию кадрового состава нового учебного заведения. Подготовительная работа значительно ускорилась в апреле 1872 г., когда должность министра юстиции занял Это: Симпэй (1834—1874). Стараниями Это: на рассмотрение в Государственный совет была представлена обновленная концепция и программа развития правовой школы, направленная на то, чтобы сделать министерскую школу образцовым в стране образовательным учреждением [Ikeda 1996]. В планах министерства значилось осуществление набора около сотни студентов, а общий срок их обучения предполагался длительностью в десять лет, включая подготовительный цикл, в рамках которого ученики сформировали бы необходимый навык владения французским языком. Финансовое обеспечение обучающихся, включая оплату необходимых книг, одежды, еды и жилья, должно было взять на себя государство, заинтересованное в подготовке будущих экспертов в области западного права и формировании новой управленческой элиты Японии.

Предложение министерства также предусматривало строительство необходимого количества учебных аудиторий и помещений для проживания студентов, принятие на работу, помимо преподавателей, административно-технического персонала. В итоге общий запрашиваемый бюджет школы достиг отметки в тридцать пять тысяч иен, что по тем временам составляло весьма внушительную сумму.

Рассмотрев детализированное предложение Министерства юстиции, Государственный совет одобрил его только с условием предварительного сокращения бюджета школы на две трети предполагаемых расходов. Таким образом, вместо запланированного набора ста учеников численный состав правовой школы был существенно уменьшен: всего двадцать способных молодых людей перешагнули порог министер-

¹ Высший судебный орган *Дайсин-ин* или *Тайсинъин* (наименование в литературе переводится по-разному: «Высшая судебная палата», «Верховная судебная палата», «Кассационный суд», «Кассационная палата», «старый» Верховный суд) — предшественник современного Верховного суда Японии (*Сайко: Сайбансё*).

² Поэтому официальная дата основания школы права приходится на июль 1872 г.

ской школы в рамках первого конкурсного отбора [Villetard 1879, p. 162]. При этом девять из них перешли из школы *Дайгаку нанко*: (Южная школа), подведомственной Министерству образования [Ikeda 1996, p. 85; Wada 2004, p. 58].

Переводу учеников из Южной школы в школу *Мэйхо:рё*: предшествовали слухи о том, что в Южной школе планируется прекращение преподавания французского языка, и что все учащиеся французского отделения будут вынуждены перейти на отделение английского языка. В дальнейшем эти слухи не подтвердились, и учебная программа в части изучения французского языка была сохранена. Однако девять учеников, имея соответствующие опасения, покинули стены Южной школы, и это обстоятельство стало причиной разгоревшегося конфликта между Министерством образования и Министерством юстиции. Недовольные ситуацией с «переманиванием» своих учеников, чиновники Министерства образования обратились с жалобой в Государственный совет, но отмены перевода учеников не последовало. Этот небольшой конфликт является свидетельством тех исторических реалий, в которых существовали правительственные школы в первые годы эры Мэйдзи: во-первых, имела место «фракционность», разделявшая японских студентов и бюрократов в соответствии с теми западными языками, которые они изучали; во-вторых, конфликт между Министерством юстиции и Министерством образования был знаком, указывающим на будущее академическое и политическое разделение согласно с принятой ориентацией на изучение английского, либо французского, либо немецкого права [Ikeda 1996, p. 83—84, 86].

Кандидатам, желавшим стать учениками правовой школы, требовалось пройти процедуру сдачи вступительных экзаменов, где кроме знания классической китайской литературы следовало продемонстрировать достаточный уровень владения французским языком. Нетипичное для будущих государственных чиновников требование на знание французского языка было обусловлено тем, что юридическая школа *Мэйхо:рё*: была задумана как школа французского права, в которой планировалось чтение лекций носителями языка — нанятыми для этих целей французскими юристами, и работа с французскими текстами, а потому недостаточная языковая подготовка абитуриентов могла стать препятствием в процессе предстоящего профессионального становления.

С точки зрения социального происхождения большинство учеников министерской школы были выходцами из самурайского сословия, а средний возраст поступивших был равен двадцати годам. Для новоявленных учеников школы были приняты правила поведения, которых следовало строго придерживаться. В частности, пропускать занятия разрешалось только в случаях серьезной болезни; гулять разрешалось только до комендантского часа в общежитии; воспрещалось ночевать вне стен пансиона; не разрешалось пить алкоголь, петь песни и в целом вести себя беспорядочно [Ikeda 1996, p. 87].

Преподавательский состав школы права

Для организации обучения в правовой школе Министерство юстиции обратилось к практике найма иностранных преподавателей, поскольку правоведов из числа

японцев на тот момент в стране не было вовсе. Надо сказать, что к этому времени некоторые неясности первых лет эры Мэйдзи, в части найма иностранных работников, уже были сняты, и японские чиновники отдавали себе отчет в том, что преподаванием права в создаваемой школе может заведовать не любой «образованный» иностранец, но только тот, кто сам имеет профильное юридическое образование.

24 декабря 1871 г. Министерство юстиции в лице представлявшего Японию в Париже чрезвычайного и полномочного посланника Самэджима Хисанобу (Самэсима Наонобу, 1845—1880) наняло молодого парижского адвоката по имени Жорж Илер Буске (фр. *Georges Hilaire Bousquet*, 1846—1937)¹, который стал первым иностранным юристом в школе *Мэйхо:пё*: [Jaluzot 2021, p. 237; Brun 2022, p. 7, 10, 21]. Буске пробыл в Японии следующие четыре года и, помимо приложения своих сил в сфере преподавания французского права, участвовал в переводе на японский язык кодексов наполеоновской эпохи и работе некоторых правительственных комиссий. За время нахождения в Японии он немало путешествовал по стране, проявив интерес к изучению истории и культуры японцев. Свои наблюдения Буске последовательно изложил в серии публикаций в периодическом издании *La Revue de deux mondes*, среди которых находим очерки «Путешествие во внутренние районы Японии» (1874), «Театр в Японии» (1874), «Экскурсия на север Японии» (1875), «Нравы, публичное и частное право Японии» (1875), «Религия в Японии» (1876), «Японское искусство, его истоки и отличительные особенности» (1877), «Торговля Китая и Японии» (1878), «Китай и Япония на Всемирной выставке» (1878), «Литературная Япония» (1878) и др. [Brun 2022, p. 8, 362—363].

Принятие на службу первого французского юриста не охладило намерений японцев в части найма иностранных юридических инструкторов, и поиск преподавателя французского права продолжился. Буске прибыл в Японию в возрасте двадцати шести лет, и, по мнению японских чиновников, был сравнительно молод, чтобы всецело взвалить на себя работу по организации образовательного процесса, а потому руководство Министерства юстиции захотело нанять еще одного французского юриста из числа тех, кто был постарше, опытнее и имел достаточный для таких случаев авторитет в академическом сообществе Запада. Конечно, в пользу Буске обращались довольно лестные рекомендации относительно его профессиональных компетенций, данные коллегами (например, председателем Парижской коллегии адвокатов), но этого требовательным японцам оказалось недостаточно. Буске был адвокатом, то есть практикующим юристом, «а не ученым, а потому он не обладал достаточными познаниями в области теории права и философии права» [Ikeda 1996, p. 82]. Японцам же

¹ Не следует путать Буске с другим французским советником японцев по имени Альбер Шарль дю Буске (фр. *Albert Charles du Bousquet*, 1837—1882). По образованию Дю Буске (в русскоязычных источниках иногда указывается как Дюбуске) был военным, а не юристом. Он прибыл в Японию в составе первой французской военной миссии, отправленной Наполеоном III по просьбе сёгуна Токугава Иэмоти в 1866 г. В 1870 г. Дю Буске был нанят японцами в качестве иностранного советника и переводчика. Он отметил, что перевел на японский язык текст французской конституции и множество военных регламентов. В отсутствие в Японии западных юристов японские чиновники обращались к Дю Буске в том числе по правовым вопросам. Однако, поскольку он не имел юридического образования, его возможности по оказанию профессиональных консультаций были довольно скромны.

требовался человек, который смог бы разъяснить им самые запутанные тернии юридической науки Запада, кто смог бы способствовать разработке нового законодательства империи, сопоставимого по проработанности правовых принципов с законодательством ведущих западных держав. Им требовался тот, чьи юридические консультации не вызывали бы ни тени малейшего сомнения.

Поиск подходящей кандидатуры «уважаемого» западного профессора был отнюдь не легким занятием: требовались определенные усилия и немалые финансовые посулы для того, чтобы уговорить пригласившегося ученого оставить свой быт, дом, родину, и на длительный срок перебраться в малознакомую и невероятно далекую страну, какой в глазах европейцев представляла Япония.

В итоге выбор японских посланников во Франции остановился на кандидатуре Гюстава Буассонада де Фонтараби (фр. *Gustave Boissonade de Fontarabie*, 1825—1910), который на тот момент являлся профессором Парижского юридического факультета и в качестве замещающего преподавателя был ответственным за чтение курсов по уголовному праву и политической экономике.

Первая встреча Г. Буассонада и его японских учеников оказалась совершенно случайным событием его профессиональной карьеры. В 1873 г. в Париж прибыла делегация японских студентов, которые были направлены правительством Мэйдзи для изучения основ французского права. По рекомендации профессора Шарля Жиро (1802—1881) в качестве лектора по курсам французского уголовного и конституционного права японцам был отрекомендован Буассонад. Лекторские навыки Буассонада произвели благоприятное впечатление на японских слушателей, которые посчитали его достойной кандидатурой для того, чтобы продолжить обучать японцев основам французского права [Пужаев, Романовская 2021, с. 13—14]. После переговоров с представителем японской стороны был заключен трехлетний контракт о работе Буассонада в Японии в качестве советника правительства по правовым вопросам (*хо:рицу комон*). С Буассонадом была также достигнута устная договоренность, что по прибытии в Токио он дополнительно займется преподаванием французского права японским студентам в министерской школе права.

Буассонад прибыл в Японию 15 ноября 1873 г., когда обучение в школе *Мэй-хо:рё*: уже началось. В Иокогаме его лично приветствовал новый министр юстиции О:ки Такато: (1832—1899), сменивший на этом посту попавшего в опалу Это: Симпэй. Буассонаду было предоставлено служебное жилье на территории министерства в Токио, однако в силу незнания японского языка Буассонад попросил разрешения властей позволить ему жить в доме Намура Тайдзо: (1840—1907), который посещал лекции Буассонада в Париже и сопровождал французского профессора во время плавания на пути в Японию [Manifestations... 1935, p. 27]. В качестве дополнительного аргумента в пользу озвученной просьбы Буассонад объявил о своем желании выучить японский язык при содействии Намура [Ikeda 1996, p. 91]. Последнее пожелание, к слову, осталось не реализованным. Жизнь Буассонада в Японии была обременена многочисленными рабочими вопросами, которые практически не оставляли свободного времени для дополнительных занятий. Возможно, сказался и солидный возраст Буассонада, помноженный на проявленную слабость здоровья. Однако стоит отметить, что на своих лекциях в Токио Буассонад уверял японских студентов в том, что французский язык — именно тот, что лучше всего подходит для ясного выражения

точной идеи, что французы ненавидят двусмысленность, и что французский язык позволяет избегать им подобной двусмысленности. Это качество французского языка, по словам Буассонада, способствовало тому, чтобы авторитет выдающихся французских юристов распространился далеко за пределы Франции, а французский язык пользовался признанием в сфере международной дипломатии [Boissonade 1874, p. 511].

К моменту прибытия Буассонада в Японию школа *Мэйхо:рё*: все еще находилась на этапе становления: в штате, помимо преподававшего право Жоржа Буске, числились еще два француза, из которых один исполнял обязанности преподавателя французского языка (Анри де Риберолль¹), а другой служил переводчиком с французского языка (Г. Галли).

Отправляясь в Японию, Буассонад предполагал, что он будет единственным специалистом по вопросам западного права в стенах открытой школы Министерства юстиции. Кроме того, он полагал, что его ожидала руководящая должность. По всей видимости, когда Буассонаду сообщили о том, что он будет одним из двух преподавателей французского права (наряду и наравне с Буске), который был значительно моложе и к тому же не имел академических регалий, это оскорбило чувства Буассонада [Tezuka 1967a]. Неприятный конфуз стал причиной довольно непростых личных отношений между Буассонадом и Буске. Впрочем, Буске также был недоволен тем, как японцы реагировали на его просьбы об улучшении условий проживания и денежного довольствия (Буассонаду установили более высокое жалование за преподавание) [Ikeda 1996, p. 92—93]. Этим жестом японское правительство дало понять Буске, что кандидатура Буассонада была для них более значимой.

29 ноября 1873 г. Буассонад и Буске представили в Министерство юстиции совместное письмо на французском языке [переведенное на японский язык Г. Галли] относительно планов развития юридической школы. В первую очередь французские юристы озвучили общую мысль о том, что их совместное присутствие в качестве преподавателей является достаточным, чтобы обеспечить надлежащий образовательный процесс по юридическим дисциплинам, так что Министерству юстиции Японии можно более не заботиться о дополнительном найме иностранных юридических инструкторов. Просьба была удовлетворена, поскольку соответствовала целям правительства Японии по экономии скудных государственных финансов. Также Буассонад и Буске направили прошения об увеличении полагавшейся им заработной платы, и эти просьбы были удовлетворены частично.

В качестве сопутствующего предложения Буассонад выразил намерение преподавать ученикам школы подготовительный курс политической экономики, который должен был предвдварять изучение юридических дисциплин. На этот счет конкретного ответа от чиновников не последовало, и министерство ограничилось общим разъяснением, что все вопросы по поводу учебной программы и правил обучения в школе должны решаться Буассонадом по согласованию с Буске с немедленным доведением принятых решений до сведения ответственных лиц Министерства юстиции.

¹ В некоторых источниках его фамилия упоминается в искаженном варианте, как Ривероль (*Riverol*), но правильным является написание Риберолль (фр. *Henri de Riberolles*, 1837—1908).

Относительно распределения обязанностей по преподаванию было принято решение, что Буске будет ответственным за преподавание вводных юридических дисциплин, как, например, история западного права, а также ему поручалось ведение курса по гражданскому праву, включая семейное и торговое право. Буассонад должен был преподавать теорию естественного права, уголовное право и административное право. Такое распределение обязанностей было связано с тем, что Буске, помимо неплохого знания японского языка, был более знаком с японскими традициями и обычаями, в отличие от Буассонада, не говорившего по-японски [Ikeda 1996, p. 96]. За Рибероллем закреплялось обучение таким предметам, как чтение, грамматика, корректура переводов, орфография, география, математика и диалоги [Wada 2004, p. 59].

Первую лекцию слушателям правовой школы Буассонад прочитал 9 апреля 1874 г., посвятив ее общим организационным вопросам и изложению основ теории естественного права. Буассонад не владел японским языком, и поэтому все его занятия велись на французском языке, что требовало постоянного присутствия переводчика. Избежать возможных искажений позволяли предварительные консультации и беседы Буассонада с переводчиками, в ходе которых учитель желал убедиться, что они его поняли и смогут верно передать его мысль аудитории [Пужаев, Романовская 2021, с. 16]. Надо признать, что это была особая аудитория слушателей. Как заметил Ж. Аппер, она состояла из очень тонких умов, очень интеллигентных и образованных, и в то же время мало посвященных в особенности западных научных методов, очень невежественных не только в собственно правовых вопросах, но и в отношении тех идей, которые в понимании европейцев являли собой самые основы права [Appert 1896, p. 523]. Названное обстоятельство поначалу создавало определенные трудности. По воспоминаниям одного из первых учеников по имени Кабуто Кунинори (1849—1929), «Буассонад был авторитетным, состоявшимся ученым с большим опытом преподавания, поэтому новичкам было довольно трудно уловить ход его профессорской мысли. Его стиль работы подходил скорее для выпускников юридических колледжей, которые уже имели первичную подготовку и достаточные знания в области права» [Ikeda 1996, p. 89].

В число преподавателей юридической школы в разное время входили и другие иностранные специалисты: Пьер Мурье¹ (март 1875 — апрель 1880)¹ [Polak 2022,

¹ Пьер Жозеф Мурье (фр. *Pierre Joseph Mourier*, 1827—1881) родился в Триньяне, что расположен на юго-востоке Франции в департаменте Дром. Изучал медицину в Университете Монпелье, после чего занимался медицинской практикой в Валансе, а затем в Париже. С юношеских лет проявил интерес к истории Японии, скупал и штудировал старинные и современные книги об этой стране, изданные в Европе. В их числе работы, написанные проживавшими в Японии иезуитами, исторические сочинения Арнольдуса Монтануса (1625—1683), Пьера-Франсуа-Ксавье де Шарлевуа (1682—1761), Энгельберта Кемпфера (1651—1716), Исаака Титсинга (1745—1812), Юлиуса Генриха фон Клапрота (1783—1835), Филиппа Франца фон Зибольда (1796—1866). Руководимый своим увлечением Мурье в 1863 г. поступил в Школу восточных языков, где под руководством Леона де Рони (1837—1914) осваивал японскую иероглифику. В следующем году вместе с семьей отправился в Японию. Разместившись в Иокогаме, занимался сбором японских книг, карт, метеорологическими наблюдениями, переводом работ в области шелководства, результаты своих трудов затем пересылал во Францию в Министерство народного просвещения. В 1871 г. Мурье был принят учителем французского языка в *Нагоя ё:гакко*. В современной литературе Мурье называется первым иностранным жителем Нагоя из числа французов. На новом месте Мурье все больше погружался в японскую

р. 78], Проспер Фук² (сентябрь 1877 — сентябрь 1879) [Iwatani 1999, p. 46; Nakatsu 2018, p. 385], Жан Арривэ³ (март 1879 — июль 1880 и с 1884 г.) [Iwatani 1999, p. 48], Антуан Фабр⁴ (июнь 1880 — август 1881), Джордж Хилл⁵ (июль 1877 — март 1881)

культуру и японский образ жизни. В 1873 г. Мурье вернулся в Иокогаму и чуть позже был принят преподавателем в Токийскую школу иностранных языков. 1 ноября 1874 г. был нанят Министерством юстиции в качестве преподавателя в школу *Мэйхо:рё:*, а после ее «реорганизации» переоформил контракт и проработал преподавателем французского языка и права в *Сихо:сё: хо:гакко:* до 9 апреля 1880 г.

¹ В рамках данного абзаца в скобках указаны примерные периоды работы в стенах правовой школы (примерные, поскольку в разных источниках сведения различаются).

² Проспер Фортюне Фук (фр. *Prosper Fortuné Fouque*, 1843—1906) изучал право в Лионском университете, затем в Высшей нормальной школе в Сент-Этьене. Был приглашен в Японию в 1870 г. в качестве преподавателя Военной академии в Осаке, но по прибытии оказалось, что вакантная должность уже занята. Оставшись в Японии, Фук открыл в Токио частную школу французского языка. В 1873 г. заключил контракт с Министерством образования, получив должность преподавателя в *Кайсэй гакко:*. За время пребывания в Стране восходящего солнца он успел потрудиться преподавателем в различных учебных учреждениях, в том числе в *Сихо:сё: хо:гакко:* и *Гакусю:ин*. В Японии Фук обзавелся семьей и стал многодетным отцом. После отъезда из Японии Г. Буассонада (в марте 1895 г.) Фук занял место ответственного редактора франкоязычного журнала *La Revue française du Japon*, который при содействии французского дипломата Виктора Коллена де Плани (1853—1922) издавался Буассонадом с 1892 г.

³ Жан-Батист-Артюр Арривэ (фр. *Jean-Baptiste-Arthur Arrivet*, 1846—1902) родился во Франции, в г. Бордо. Окончил семинарию и в 1870 г. был рукоположен в священники. 22 февраля 1873 г. Арривэ прибыл в Японию в качестве христианского миссионера, имея за плечами опыт миссионерской работы в индийском Коимбатуре. В Японии Арривэ вел свою деятельность в Нагасаки, Иокогаме и Токио, однако в 1876 г. он прекратил миссионерское служение, и был нанят японским Министерством образования в качестве учителя французского языка с определением в Токийскую языковую школу. В период действия первого контракта, срок которого истек в сентябре 1886 г., он был дополнительно нанят Министерством юстиции для преподавания в Токийской юридической школе (это реорганизованная на тот момент школа права Министерства юстиции). После расформирования этой школы Арривэ перешел на работу в [Токийский] Императорский университет. В 1887 г. опубликовал в Токио Французско-японский словарь общеупотребительных слов японского языка. См.: URL: <https://irfa.paris/en/missionnaire/1106-arrivet-jean-baptiste/#list-biographie> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴ Антуан Фабр (фр. *Antoine Fabre*) прибыл в Японию в 1867 г. и в партнерстве с еще одним иностранцем основал в Иокогаме торговую компанию *Fabre, Boerne & Co*. По прошествии трех лет пути компаньонов разошлись, и с 1871 г. Фабр продолжил заниматься бизнесом единолично, но видимо дела шли неважно, поскольку к 1874 г. фирма была ликвидирована. С этого времени он числился сотрудником крупнейшей французской судоходной компании *Compagnie des Messageries Maritimes*. В 1877 г. Фабр подписал рабочий контракт с японским Министерством образования и был принят преподавателем французского языка в Токийскую школу иностранных языков. В июне 1880 г. был принят на работу по линии Министерства юстиции и в течение года занимался преподаванием французского языка в министерской юридической школе. После окончания контракта покинул Японию. См.: URL: http://meiji-portraits.de/meiji_portraits_f.html (дата обращения: 01.07.2025).

⁵ Джордж Уоллес Хилл (англ. *Georges Wallace Hill*) — американский юрист (вместе с тем в некоторых изданиях он упоминается как британский офицер). В качестве юридического советника Хилл оказывал помощь губернатору префектуры Канагава О:э Таку (1847—1921) в процессе судебного рассмотрения известного инцидента с перуанским судном «Мария Луз», задержанным в порту Иокогама в июле 1872 г. в связи с обвинениями в работорговле. Однако в истории японского права Хилл отметился еще и тем, что он первым из иностранцев подготовил юридическое заключение, где советовал японским властям принять решение об отмене пыток в уголовном процессе. Его аргументы, представленные в феврале 1873 г., были довольно схожи с теми, которые два года спустя использует Гюстав Буассонад, добиваясь безусловного запрета применения пыток в Японии. Правда, в

[Röhl 2005, p. 773] и Жорж Биго¹ (1883—1884). За некоторым исключением они занимались подготовкой студентов по французскому языку и различным общеобразовательным предметам, в то время как преподавание юридических дисциплин возлагалось в основном на Буассонада и Буске.

После истечения срока контракта с Буске японские власти не пытались уговорить его остаться. Он показался им достаточно хлопотным во многих бытовых вопросах, касавшихся его пребывания в стране. Собственно, и сам Буске не испытывал желания оставаться в Японии и поспешил возвратиться в Париж, где продолжил заниматься юридической практикой, а затем занимал ряд ответственных должностей на государственной службе. В 1877 г. он издал в Париже двухтомный сборник своих наблюдений под общим названием «Япония наших дней и масштабы Дальнего Востока», в котором были изложены сведения по истории и культуре Страны восходящего солнца и прилагался ряд картографических материалов, а также было дано описание нескольких азиатских городов и территорий, располагавшихся на пути возвращения Буске в Париж (Гонконг, Манила, Сингапур и др.) [Bousquet 1877].

После отъезда Буске Министерством юстиции Японии были инициированы поиски нового преподавателя французского права. Решение было связано с тем, что Буассонад не мог посвящать все свое время преподаванию, поскольку был обременен обязанностями советника правительства, а с 1876 г. на него была возложена задача по составлению проекта Уголовного кодекса для Японии. Однако юридическая школа не могла полноценно функционировать без преподавателя французского права, так что отъезд Буске и занятость Буассонада дали повод для беспокойства студентов, что их могут распустить, а школу закрыть.

По всей видимости, некоторое время после отъезда Буске в образовательном процессе школы участвовал некий француз Жусслен (фр. *Jousselain*), о котором нам известно лишь то, что впоследствии (по состоянию на 1896 г.) он занимал пост генерального консула Франции в Бомбее [Appert 1896, p. 531; Tezuka 1967b]. На смену Жусслену в ноябре 1879 г. из Франции прибыл молодой доктор права по имени Ж. Аппер, который был отрекомендован Ш. Жиро — тем самым профессором, кто несколькими годами ранее посоветовал японцам в качестве лектора Г. Буассонада.

Жорж-Виктор Аппер (фр. *Georges-Victor Appert*, 1850—1934) родился во французском городке Эперне, что расположен в местности Сен-Мартен д'Аблуа в исторической области Шампань. Получив первоначальное образование в лицее Луи Ле Гран, Аппер был вынужден отложить свои дальнейшие планы на обучение в связи с участием в военных событиях, которые выпали на долю Франции в 1870—1871 гг. Вернувшись к гражданской жизни, Аппер окончил курсы в Парижской юридической школе, и впоследствии им была получена степень доктора права. После неудачной попытки пройти национальный конкурс агрегации, чтобы обзавестись заветным ста-

отличие от усилий Буассонада, доводы Хилла не были восприняты всерьез и не привели к какому-либо конкретному результату по гуманизации использовавшихся в те годы средств познания.

¹ Жорж Фердинан Биго (фр. *Georges Ferdinand Bigot*, 1860—1927) — французский художник, прибыл в Японию в 1882 г. с целью знакомства с особенностями японского искусства. Получил известность как карикатурист. Начиная деятельность с работы корреспондентом газет «Юбин Хоти симбун» и «Кайсин симбун», в 1887—1889 гг. издавал собственную сатирическую газету «То:ба-э», где высмеивались излишества политики вестернизации Японии.

тусом *агреже* (фр. *agrégé des facultés de droit*) и таким образом обеспечить себе профессорскую кафедру в одном из французских университетов, Аппер получил неожиданное предложение о работе в Токио в качестве преподавателя французского права. После некоторых раздумий и сомнений дал согласие на переезд.

За время пребывания на Дальнем Востоке (21 ноября 1879 г. — декабрь 1884 г. и ноябрь 1885 г. — январь 1889 г.) Аппер сумел внести значительный вклад в подготовку юридических кадров «новой» Японии. По воспоминаниям современников, ясность и точность взглядов Аппера, помноженные на преподавательское мастерство, позволили ему завоевать симпатии многочисленных японских учеников [Dareste 1934, p. 398—404]. В их числе значились многие будущие представители интеллектуальной и политической элиты Японии. Аппер также занимался преподавательской деятельностью в частной Токийской школе японского и французского права, преобразованной впоследствии в Университет Хо:сэй.

В 1927 г., по инициативе бывших учеников Аппера, в саду около здания Токийского дворца правосудия был установлен бюст в честь французского учителя. Следует сказать, что еще в 1913 г. в Японии был торжественно открыт монумент в честь предшественника Аппера, правоведа Г. Буассонада. Воздвигнутый на пожертвования бывших учеников памятник Буассонаду представлял собой бронзовый бюст на высоком гранитном пьедестале¹ в нише одной из галерей Токийского дворца правосудия, в котором в те годы размещался Токийский окружной суд (*То:кё: тихо: сайбансё*). Буассонад был изображен в традиционной одежде японцев — кимоно, но по отзывам некоторых критиков скульптура внешне не сильно походила на французского правоведа, а корпус скульптуры был излишне выгнут вперед. Сам монумент не сохранился, так как был уничтожен в результате Великого землетрясения Канто в сентябре 1923 г. Однако еще в 1914 г. фотоизображение монумента было опубликовано в Бюлетене Парижского французо-японского общества². Примечательно, что изначальные планы инициаторов установки монумента в честь Буассонада предполагали размещение такой скульптурной композиции не в здании Токийского суда, а в саду Министерства юстиции по соседству с аналогичным монументом в честь бывшего министра юстиции Т. О:ки. Таким образом, Буассонад и Аппер стали первыми иностранными юристами, в честь которых в Японии были открыты памятные скульптурные композиции [Sugiyama 1936, p. 201].

Хроника образовательного процесса и известные выпускники

Обучение в школе *Мэйхо:рё:* началось в сентябре 1872 г. Ученикам школы, как и планировалось изначально, было обеспечено бесплатное образование, бесплатное проживание, им также выплачивалась небольшая стипендия. Несмотря на предвари-

¹ Исполнителем монумента выступил японский скульптор Такэиси Ко:дзабуро:, а церемонию открытия посетило немало официальных лиц Японии: действующие и бывшие судьи, адвокаты, политики, а также представители посольства Франции. С речью перед собравшимися выступили бывший министр юстиции Японии, виконт Окабэ Нагамото (1855—1925) и французский посол Огюст Жерар (1852—1922).

² См.: Bulletin de la Société Franco-Japonaise de Paris, 1914. XXXI—XXXII. P. 8—10. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96802539/f19.highres> (дата обращения: 03.07.2025).

тельные соображения властей установить срок обучения в школе длительностью в десять лет, фактически этого сделано не было, и первая когорта студентов приступила к обучению без нормативно установленного периода обучения.

Спустя полгода после начала занятий до студентов стали доходить слухи о планах чиновников из Министерства юстиции закрыть школу, поскольку ее ученики якобы показывали слабую подготовленность и отсутствие прогресса в знаниях и навыках. Вероятно, эти слухи распространялись теми чиновниками Министерства юстиции, что не имели опыта западных исследований. Они опасались, что выпускники юридической школы, получив профессиональное «прозападное» образование, сделают невозможным продвижение по службе тех, кто такого образования не имел. С началом реализации в Японии политических реформ стало очевидно, что «просвещенность» в западных науках будет серьезным преимуществом в вопросах продвижения в государственной бюрократической иерархии. Однако закрытия учебного заведения удалось избежать благодаря личному визиту в школу министра юстиции Это: Симпэй. В феврале 1873 г. Это: посетил занятия по французскому языку, в ходе которых лично инспектировал способности и познания учеников, прося их перевести некоторые японские выражения. Получив хорошие ответы, Это: принял решение о целесообразности продолжения деятельности юридической школы [Tezuka 1967a; Ikeda 1996, p. 88; Wada 2004, p. 59].

Общий курс подготовки в министерской школе права состоял из двух частей: занятий подготовительного цикла (*ёка*) и основного курса (*хонка*) [Röhl 2005, p. 772]. Подготовительный цикл предусматривал получение общего образования с упором на изучение французского языка. Студентов ожидали базовые подготовительные занятия, включая чтение и перевод с французского языка, изучение математики, истории и географии.

Второй этап длился четыре года и предполагал изучение студентами следующих дисциплин: на первом курсе — экономика и гражданское право; на втором году обучения — гражданское и уголовное право, а также уголовно-процессуальное право; на третьем — гражданское и гражданско-процессуальное право, административное право; на четвертом (заключительном) курсе — административное право, торговое право и международное право.

Помимо основной учебной программы (*сэйсоку-ка*), с 1877 г. в юридической школе был организован интенсивный (ускоренный) курс обучения (*сокусэй-ка*) французскому праву на японском языке для подготовки будущих японских магистратов и прокуроров, крайне необходимых судебной системе для восполнения имевшихся кадровых прорех. Срок обучения на таком ускоренном курсе составлял сначала два, затем три года [Goraï 1904, p. 784; Hayashi 2022, p. 91]. Среди окончивших краткосрочные курсы встречается немало имен будущих влиятельных в японской политике или юриспруденции лиц, например, Куратоми Ю:дзабуро: (1853—1948), который с 1926 по 1934 гг. возглавлял Тайный совет (*Сумицу-ин*), Яно Сигэру (1853—1935), То:до: То:ру (1856—1908), Кавамэ Ко:ити (1853—1907), О:датэ Корэтака (1860—1927), Китагава Нобуёри (1860—1924), О:то Фукусабуро: (1860—1924), Кокубу Сангай (1863—1962), Мацумото Кё:дзи (1867—1941).

Когда профессор Буассонад прочитал свои первые лекции по французскому праву, общее число обучающихся в школе на «полной программе» сократилось с перво-

начальных двадцати человек до одиннадцати. В то же время четыре освободившихся места было занято новыми принятыми в школу учениками.

В августе 1875 г., когда срок обучения пятнадцати молодых слушателей вступил в завершающую фазу, Министерством юстиции было принято решение о направлении семи из них во Францию для дальнейшего изучения французского права. В число направляемых за границу выпускников вошли наиболее способные ученики, такие как: Киносита Ко:дзи, Кумано Тосидзо: (Биндзо:), Иноуэ Сё:ити, Исобэ Сиро:, Курицука Сё:го, Сэкигути Ютака, Окамура Сэйити [Hayashi 2016, p. 213]. Между тем, в книге «Япония» французского журналиста и литератора Эдмона Вильтара (1828—1889) сообщается о восьмерых японцах, отправленных после окончания министерской школы на обучение за границу, но их имена не раскрываются [Villetard 1879, p. 162]. Идентифицировать «восьмого», если это число все же верно, не представилось возможным.

В сентябре 1875 г. был произведен прием в школу двенадцати новых слушателей, в число которых вошли Итиносэ Ю:дзабуро:, О:сима Сансиро:, Фукухара Митинао, Ида Сё:дзиро:, Хасимото Томосабуро:, Камэяма Садаёси, Татики Райдзо:, Такаги То:ёдзо:, Сугихара Тораити, Фудзибаяси Тадаёси, Ивано Симпэй, О:цука Сэйкити [Hayashi 2016, p. 213].

Первый выпускной класс министерской школы закончил обучение в августе 1876 г. в составе двадцати пяти человек (включая пятерых студентов, обучавшихся за рубежом). Одиннадцать из них получили прямое назначение на работу в Министерство юстиции, а трое наиболее способных (Мияги Ко:дзо:, Огура Хисаси и Кисимото Тацуо) были направлены во Францию для продолжения образования. Еще шестеро выпускников не были приняты на службу в министерство, поскольку считались менее способными учениками [Hayashi 2016, p. 213].

Начиная со второго набора студентов, общий срок обучения составлял восемь лет, из которых четыре года отводилось на освоение подготовительного цикла с упором на французский язык и столько же — на занятия по основному (юридическому) циклу. Вместимость школы была увеличена до ста четырех человек [Tezuka 1967b]. При этом «вторая когорта» студентов была принята на обучение только после выпуска «первой когорты» в 1876 г.

Студенты второго набора, так же как и их предшественники, находились на полном государственном обеспечении, но они были обязаны, по окончании обучения, поступить на государственную службу и отработать в таком качестве не менее пятнадцати лет [Goraï 1904, p. 784].

Поскольку к этому времени Буске уже не преподавал в юридической школе, а перед Буассонадом японским правительством были поставлены иные, требующие его безусловного внимания задачи (составление проекта уголовного кодекса), то основным преподавателем французского права для второго поколения японских юристов в министерской школе стал Жорж Аппер.

Второй выпуск юридической школы состоялся в июле 1884 г. Общее количество выпускников было значительно меньше первоначального числа поступивших, так как многие бросили учебу ввиду различных жизненных неурядиц: всего тридцать семь учеников из ста четырех смогли дойти до финальной стадии вручения дипломов. При этом часть учеников школы была отчислена в 1879 г. в результате инцидента «мака-

най сэйбацу дзикэн» (賄征伐事件) — студенческих волнений, вызванных протестом учеников против плохих условий школьного питания [Ackerer 2012, p. 120]. В ходе разгоревшегося конфликта с руководством учебного заведения статуса учеников лишились Хара Такаси (1856—1921), Куга Кацунан (1857—1907), Фукумото Нитинан (1857—1921), Кокубу Сэйгай (1857—1944) и Като: Цунэтада (1859—1923), ставшие впоследствии весьма известными политическими фигурами в Японии (Т. Хара и во все сумел достигнуть поста премьер-министра страны).

В рамках второго выпуска тридцать три выпускника из тридцати семи завершили обучение с присвоением им степени бакалавра права (*хо:рицу гакуси*), а оставшиеся четыре выпускника были вынуждены довольствоваться документом, который свидетельствовал, что они с трудом освоили курс юридической подготовки [Röhl 2005, p. 774]. В ноябре 1884 г. по ходатайству Министерства юстиции перед Государственным советом аналогичные бакалаврские степени были присуждены *ex post facto* выпускникам школы *Мэйхо:рё:* из так называемой первой когорты (период обучения: 1872—1876).

Сложность обучения в юридической школе с лихвой компенсировалась теми привилегиями, которые ожидали счастливых обладателей государственных дипломов. В те годы такой документ являл собой безусловную ценность, так как позволял выпускникам претендовать на ключевые посты в высших бюрократических кругах страны, занять привилегированное положение в политической системе [Лим 2014, с. 206]. Именно поэтому среди немногочисленных выпускников юридической школы Министерства юстиции так много тех, кто оставил весомый след в истории японского права, политики и правосудия: судьи, прокуроры, профессора права, основатели частных университетов, успешные политики, в том числе министры, дипломаты (табл. 1). [Who's Who Hakushi... 1921].

Таблица 1. Известные выпускники и ученики юридической школы Министерства юстиции

Первый набор и выпуск (июль 1872 г. — август 1876 г.) <i>Примечание:</i> часть учеников первого набора, поступив в школу <i>Мэйхо:рё:</i> , выпускалась уже из <i>Сихо:сё:</i> <i>хо:гакко:</i>	Исобэ Сиро: (1851—1923) Иноуэ Сё:ити (1850—1936) Иноуэ Мисао (1847—1905) Огура Хисаси (1852—1906) Такаги Тоёдзо: (1852—1918) Ивано Симпэй (1855—1929) Кабуто Кунинори (1849—1929) Кисимото Тацуо (1851—1912) Итиноэ Ю:дзабуро: (1855—1932) Киносита Тэцусабуо: (1852—1907) Киносита Хиродзи (1851—1910) Кумано Биндзо: (1854—1899) Куридзука Сё:го (1853—1920) Сугимура Тораити (1857—1938) Мияги Ко:дзо: (1852—1893) Ясиро Мисао (1852—1892) О:сима Сэйдзи (1855—1912)
---	---

Второй набор и выпуск (1876 г. — июль 1884 г.)	Умэ Кэндзиро: (1860—1910) Акидзуки Сацуо (1858—1945) Томитани Сё:таро: (1856—1936) Кавамура Дзё:дзабуру: (1859—1930) Кога Рэндзо: (1858—1942) Тэдзука Таро: (1862—1932) Тэрао То:ру (1858—1925) Мидзуками Тё:дзиро: (1858—1936)
Третий набор (1880 г. — 1888 г.)	Ёкота Хидэо (1862—1938) Мидзумати Кэсароку (1864—1934) Киносита Томосабуро: (1864—1944) Кусака Киситаро: (1864—1927) Тасиро Рицуо (1860—1910) Мородзуми Хикороку (1865—1908)
Четвертый набор	Вакацуки Рэйдзиро: (1866—1949) Кацумото Кансабуру: (1866—1923) Окамура Цукаса (1866—1922) Ода Ёродзу (1868—1945) Арай Кэнтаро: (1863—1938) Аканума Киндзабуру: (1865—1900) Адати Минэитиро: (1869—1934)

Источник: составлено автором по материалам исследования.

В 1884 г. юридическая школа Министерства юстиции была передана в ведение Министерства образования, получив временное название Токийская школа права (*То:кё: хо:гакко:*). Однако уже в следующем году она полностью утратила организационную самостоятельность и вошла в состав юридического факультета Токийского университета в статусе отделения французского права [Goraï 1904, p. 784; Takayanagi 1930, p. 743]. В 1886 г. был принят новый указ об Императорском университете¹ и к имевшимся отделениям английского и французского права добавился сектор немецкого права. Студенты, которые числились учениками юридической школы на момент ее поглощения Токийским университетом, были переведены на юридический факультет университета, продолжив изучение французского права [Jaluzot 2021, p. 237—238]. Ряд преподавателей юридической школы также перешли на работу в университет и продолжили свои занятия в новой обстановке.

Заключение

Общее количество выпускников министерской школы права за период 1876—1884 гг. составило всего 62 человека (25 в 1876 г. и 37 в 1884 г.), что, разумеется, не покрывало практических потребностей страны в юридических кадрах. Если говорить о краткосрочной программе подготовки юристов (*сокусэй-ка*), то к моменту упразднения министерской юридической школы данные курсы успешно окончил 161 обучающийся [Hayashi 2016, p. 215]. Приводимые значения говорят сами за себя и впол-

¹ Официальное название Токийского университета в период с 1886 г. до 1897 г.

не объясняют стремительный карьерный успех первых поколений японских юристов, знания и умения которых оказались чрезвычайно востребованы в новых политических реалиях. Юридическое образование в те годы было недоступно широким массам населения и характеризовалось безусловной элитарностью, открывавшей большие перспективы для малочисленных выпускников. Собственно говоря, открытие в Японии первого государственного учреждения для профессиональной подготовки юристов было решением политически мотивированным. Имея стойкое желание пересмотреть неравноправные Ансэйские договоры, японцы ничего не могли возразить превосходившим их в военной мощи западным державам, которые допускали пересмотр заключенных ранее договоров только в том случае, если Япония докажет им свою «цивилизованность» и «равный статус». В юридической сфере «цивилизованность» должна была быть подтверждена введением в Японии современного законодательства и существенными реформами в вопросах отправления правосудия. Однако разработка современных кодексов прозападного типа, которая с переменным успехом началась практически сразу после падения сёгуната, и учреждение в Японии новых юрисдикционных органов были лишь половиной дела. Вслед за правотворчеством с необходимостью следует процесс правоприменения, должная реализация которого немыслима без квалифицированного юридического персонала. С этой точки зрения министерской школе права надлежало выполнить роль «кузницы» высших судебных, прокурорских и управленческих кадров для «новой» Японии. Вместе с тем задачей министерской школы была не только подготовка специалистов со знаниями в области французского права, но и культивирование у будущих выпускников лояльности по отношению к политическому курсу правительства.

Библиографический список

- Лим С.Ч. Особенности становления японского студенчества в период Мэйдзи // *Диалог со временем*. 2014. № 48. С. 194—215.
- Мечников Л.И. Эра просвещения Японии // *Дело*. 1876. № 10. С. 133—170.
- Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // *Ежегодник Японии*. 2018. Т. 47. С. 350—366. URL: <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
- Нравы и законодательство Японии // *Всемирный путешественник*. 1876. № 5. С. 1—42.
- Пужаев В.В., Романовская В.Б. Гюстав Буассонад де Фонтараби и идея естественного права в Японии в эпоху Мэйдзи // *Японские исследования*. 2021. № 4. С. 6—33. URL: <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33>.

References

- Lim, S.Ch. (2014). Osobennosti stanovleniya yaponskogo studenchestva v period Meidzi [The Emergence of the Japanese Students in the Meiji Era]. *Dialog so vremenem* [Dialogue With Time], 48, 194—215. (In Russian).
- Mechnikov, L.I. (1876). Era prosveshcheniya Yaponii [Japan's Enlightenment Era]. *Delo* [Affair], 10, 133—170. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018). Reformy perioda Meidzi: chelovecheskoe izmerenie [Meiji Era Reforms: The Human Dimension]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 47, 350—366. (In Russian). URL: <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.

Nravy i zakonodatel'stvo Yaponii [Mores and Legislation of Japan]. (1876). *Vsemirnyi puteshestvennik* [World Traveler], 5, 1—42. (In Russian).

Puzhaev, V.V., Romanovskaya, V. B. (2021). Gyustav Buassonad de Fontarabi i ideya estestvennogo prava v Yaponii v epokhu Meidzi [Gustave Boissonade de Fontarabie and the idea of natural law in Japan in the Meiji era]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 4, 6—33. (In Russian). URL: <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-4-6-33>.

* * *

Ackerer, F. (2012). *Rôle et pouvoir des éditorialistes dans la presse du milieu de l'ère Meiji (1884—1894)*. Fukuzawa Yukichi, Kuga Katsunan, Tokutomi Sohō. Thèse de doctorat soutenue sous la dir. d'Emmanuel Lozerand. INALCO. (In French).

Appert, G. (1896). De l'influence des lois françaises au Japon. *Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée*, 23, 515—538. (In French).

Beillevaire, P. (2008). Georges Bousquet. In: *Dictionnaire des orientalistes de langue française* (pp. 143—144). Paris: Karthala. (In French).

Boissonade, G. (1874). École de droit de Jédo. Leçon d'ouverture d'un cours de droit naturel. *Revue de législation de française et étrangère*, 4, 508—525. (In French).

Bousquet, G. (1877). *Le Japon de nos jours et les échelles de l'Extrême-Orient*. Paris: Hachette. (In French).

Brun, L. (2022). *La modernisation du Japon à la fin du XIXe siècle vue par ses conseillers français: l'exemple du juriste Georges Bousquet (1846—1937)*. Mémoire de recherche en Histoire du droit et des institutions. Année 2021—2022. Retrieved July 3, 2025, from URL: <https://dumas.ccsd.cnrs.fr/dumas-04651329v1/document> (In French).

Daresté, P. (1934). George Appert (1850—1934). *Revue historique de droit français et étranger. Quatrième série*, 13 (2), 398—404. (In French).

Dictionnaire historique du Japon. (1970). Fasc. II. Lettre B. Tōkyō: Librairie Kinokuniya. (In French).

Frank, L. (1889). *Le Japon judiciaire*. Bruxelles: F. Larcier. (In French).

Goraï. (1904). L'influence du Code civil français sur le Japon. In: *Le Code civil. Livre du centenaire*. T. II (pp. 781—790). Paris: A. Rousseau. (In French).

Hayashi, M. (2016). *Constructing the Legal Profession in Modern Japan*. PhD thesis. SOAS University of London. Retrieved July 3, 2025, from https://eprints.soas.ac.uk/26667/1/4464_Hayashi.pdf.

Hayashi, T. (2022). The Education of Roman Law From 1874 to 1894 in Japan. The Transition of Contemporary Model of Legal Systems in the West and the Intellectual Backgrounds of Professors in Charge of Roman Law. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Iuridica*, 99, 83—98. DOI: <https://doi.org/10.18778/0208-6069.99.06>.

Ikeda, M. K. (1996). *French Legal Advisor in Meiji Japan (1873—1895): Gustave Emile Boissonade de Fontarabie*. Diss. Ann Arbor, UMI., Michigan.

Iwatani, J. (1999). La publication de la Revue française du Japon (1892—1897): l'infructueuse tentative d'un juriste français, conseiller auprès du gouvernement japonais. In: *Japon pluriel* 3 (pp. 45—52). Paris: Éd. Philippe Picquier. (In French).

Jaluzot, B. (2021). The Meiji Era: When Japanese Law Became Positivized. In B. Dupret, J.-L. Halpérin (Eds.), *State Law and Legal Positivism: The Global Rise of a New Paradigm* (pp. 215—249). Leyden: Brill.

Manifestations commémoratives en l'honneur du professeur G.E. Boissonade, conseiller légiste accrédité du gouvernement japonais et professeur à l'Université impériale de Tokyo de 1873 à 1895. (1935). Tokyo: Comité d'organisation des manifestations commémoratif en l'honneur du professeur G.E. Boissonade. (In French).

Nakatsu, M. (2018). *Les missions militaires françaises au Japon entre 1867 et 1889*. Thèse de doctorat présentée et soutenue à Paris le 18 janvier 2018. Université Sorbonne Paris Cité. (In French).

Ōkubo, Y. (1976). Le professeur Gustave Boissonade (1825—1910). Sa vie et son oeuvre. *Nichifutsu bunka*, 32, 79—90. (In French).

Polak, Chr. (2022). Le capitaine Ernest Antonin Vieillard (1844—1915), membre de la Deuxième Mission Militaire de France au Japon de juin 1873 à avril 1876. Dixième partie: Par la traverse jusqu'à Nagoya, Pierre Mourier, premier résident français dans cette ville. *France Japon Éco*, 169, 74—79. (In French).

Robert, J. (1969). Le pensée juridique française au Japon. *Nichifutsu bunka*, 24, 28—42. (In French).

Röhl, W. (2005). Legal Education and Legal Profession. In W. Röhl (Ed.), *History of Law in Japan Since 1868* (pp. 770—828). Leiden, Boston: Brill.

Rokumoto, K. (2002). The historical roots of stasis and change in Japanese legal education. In A. Rossett, L. Cheng, M. Woo (Eds.), *East Asian Law — Universal Norms and Local Cultures* (pp. 155—179). London: Routledge.

Rozy, H. (1876). L'enseignement français au Japon. *Le Progrès libéral: journal quotidien*, 298, 3—4. (In French).

Sugiyama, N. (1936). Les transformations du droit civil japonais et l'influence du droit français. *Annales de l'Institut de Droit comparé de l'Université de Paris*, II, 195—219. (In French).

Takayanagi, K. (1930). Occidental Legal Ideas in Japan: Their Reception and Influence. *Pacific Affairs*, 3 (8), 740—753.

Tezuka, Yutaka. (1967a). Shihōshō hōgakkō shōshi (1) [History of the Ministry of Justice Law School During Meiji Era (pt. 1)]. *Hōgaku kenkyū: hōritsu, seiji, shakai* [Journal of Law, Politics, and Sociology], 40 (6), 54—84. (In Japanese).

Tezuka, Yutaka. (1967b). Shihōshō hōgakkō shōshi (2) [History of the Ministry of Justice Law School During Meiji Era (pt. 2)]. *Hōgaku kenkyū: hōritsu, seiji, shakai* [Journal of Law, Politics, and Sociology], 40 (7), 57—100. (In Japanese).

Villetard, E. (1879). *Le Japon*. Paris: Hachette. (In French).

Wada, K. (2004). From O-yatoi Gaikokujin in the Meiji Era to the American Law Programme of Summer 2004. *ICCLP Annual Report*, 55—69.

Who's Who Hakushi in Great Japan. (1921). Vol. I—VI. 1888—1920. Ed. by K.R. Iseki. Tokyo.

Поступила в редакцию: 22.07.2025

Принята к публикации: 23.10.2025

Received: 22 July 2025

Accepted: 23 October 2025